

Чжоу Фэй с оглушительным грохотом распахнула дверь, отчего в воздух взлетела пыль.

Ли Шэн в это время упражнялся в фехтовании во дворе. Он повернул голову, как только услышал звук чуть не слетевшей с петель двери. Увидев ее, он не удивился, только медленно вернул меч в ножны. Он догадывался, почему она здесь, но все же спросил: «Фэй, что ты делаешь?»

Чжоу Фэй никогда раньше не видела такого яркого притворщика, но с ее ограниченным воображением в голове возник образ целого круга людей, подобных Ли Шэну. При одном взгляде на его лицо грудь Чжоу Фэй наполнилась безмерным гневом. Хотя ее считали обладательницей дара болтливости, она никогда не говорила, когда дралась. Она даже не поздоровалась с ним, а лишь поудобней перехватила ладонью свой чандао. Один миг – и она вихрем бросилась к Ли Шэну, намереваясь ударить его по голове.

Ли Шэн уже приготовился к ее атаке, мгновенно развернув меч горизонтально, чтобы он принял удар на себя. Чувствуя, как дрожат его запястья под сильным давлением, он не осмеливался быть беспечным, вкладывая в борьбу 120% своей концентрации. Хотя ни один из них не обнажил меча, в мгновение ока они умудрились сделать семь или восемь движений. Внезапно Чжоу Фэй сделала шаг вперед, нацелившись своим чандао на его талию. Глаза Ли Шэна расширились – она действительно использовала свой чандао в качестве копья, и вдобавок выполнила движение «Удар Наньшань» [1]

Это движение «эхо тысячи часов, рев десяти тысяч гор» должно было быть легким, если исполнялось великим мастером. Но у молодых учеников фракции Тысячи Часов, которые еще не закончили свое обучение и не имели достаточного мастерства, это движение всегда казалось немного громоздким. В результате Ли Шэн мог легко отмахнуться от него во время соревнований по боевым искусствам. Однако по какой-то причине – может потому, что Чжоу Фэй тайно оттачивала своё искусство, или потому, что острый клинок имел преимущество, а она использовала свой чандао как копье – в ее руках этот «Удар Наньшань» получил из ниоткуда небывалую силу. Воздух как будто пропитался яростью и дурным предзнаменованием.

Когда обнаженный чандао приблизился, принес с собой порыв ветра, Ли Шэн сам того не осознавая, ощутил страх и не решился повторить свой прежний ход. Как только он собрался с духом, чтобы встретить атаку лицом к лицу, с порога донесся крик: «Прекратите!»

Как только эти слова были произнесены, по воздуху пролетел какой-то предмет.

Чжай-бэйдао [2] внезапно остановился в воздухе. С легким щелчком Чжоу Фэй зацепила предмет за кончик своего меча – только чтобы увидеть, что это был детский парчовый мешочек с вышитыми на нем очаровательными зимородками. Мешочек был брошен так резко, что из него выпало несколько османтусовых конфет.

Ли Шэн резко вернулся к реальности, хотя прежний страх все еще не прошел. Сердце его учащенно билось, а несказанное смущение уже проступало на лице. Он протянул руку, снял мешочек с кончика меча Чжоу Фэй и бросил его обратно в руки приближающегося человека, бросив с раздражением: «Что ты здесь устроила?»

Маленькая девочка в платьице персикового цвета, подбежав, встала между ними. Вытянув руки в стороны, она закричала: «Не деритесь!»

Этой малышкой была Ли Янь, родная сестра Ли Шэна, которая была младше него на два года. У нее было маленькое овальное личико с большими очаровательными глазками. Но, к

несчастьем, она была хороша внешне, но бесполезна внутри – маленький и глупый ребенок. Мозг одиннадцатилетней Ли Янь, вероятно, был размером с горошину, потому что на всё у неё было только два взгляда: всё, что говорит Фэй, правильно, что нравится Фэй, нравится и мне... за исключением боевых искусств.

Ни Чжоу Фэй, ни Ли Шэн не желали уделять ей время, им обычно было не до игр. Но вторая юная леди Ли была чрезвычайно ласкова, восхищаясь своей кухней с одной стороны и беспокоясь о своем дорогом брате с другой. Часто она погружалась в свои мысли, споря сама с собой, чью сторону ей стоит принять. Она могла потратить полдня на размышления, но так ничего и не решить.

На свою беду Чжоу Фэй сказала Ли Янь: «Отойди в сторону».

Ли Янь, с печальным и слезливым выражением лица, преградила путь Чжоу Фэй, и тихонько спросила: «Фэй, ради меня, пожалуйста, не могла бы ты не драться с моим братом?»

Разгневанная Чжоу Фэй ответила: «И насколько ценно твое имя? [3] А ну, в сторону!»

Глаза Ли Шэна потускнели, когда он ронял одно слово за другим: «Ли Янь, тебе нечего здесь делать».

Не желая сдаваться, Ли Янь потянула Чжоу Фэй за рукав: «Не...»

У Чжоу Фэй эта прилипчивость лишь вызвала еще большее раздражение. Она сразу же крикнула: «Отпусти!»

Она взмахнула рукой, бессознательно вложив в движение силу. Несмотря на то, что она была ненамного старше Ли Янь, она была намного выше ее ростом, поскольку вошла в тот возраст, когда девушки растут особенно быстро.

Не веря, неугомонная Ли Янь некоторое время просто сидела на земле, а потом разрыдалась и громко всхлипнула.

Этот всхлип успешно разрушил атмосферу напряженной борьбы между ними. Ли Шэн медленно убрал меч и наморщил лоб, а Чжоу Фэй стояла в стороне, не зная, что делать. Их взгляды встретились, и, бросив друг на друга недружелюбный взгляд, они одновременно отвернулись.

Чжоу Фэй вздохнула, наклонилась и протянула руку Ли Янь.

- Я толкнула тебя не специально.

Чжоу Фэй сделала паузу, прежде чем смиренно произнести: «Э-эм... сестра была неправа, ясно? Ну же, вставай».

Ли Янь вытерла лицо рукой, отчего сопли и слезы прилипли к ее ладони. Затем она схватила ладонь Чжоу Фэй и крепко вцепилась в нее. Вены на висках Чжоу Фэй пульсировали, и она чуть не отшвырнула Ли Янь снова, когда услышала, как Ли Янь говорит, шмыгая носом: «Я боялась, что тетя побьет тебя, поэтому поспешила найти дядю... а ты меня толкнула! Тебе нет никакого дела до поступков доброго человека!»

Чжоу Фэй, которая была атакована Ли Янь ее «секретным оружием», забыла про своё убийственное намерение, боясь утонуть в ее слезах. Она закончила тем, что присела на

корточки рядом с ней и спокойно слушала, как Ли Янь жалуется на нее. В то же время она размышляла о том, что у Ли Янь была одна отличная черта - даже тигрица Ли Цзинь Жун, столкнувшись с Ли Янь, становилась такой же мирной, как оживший Будда. Таких людей, как Ли Янь, много не нужно, всего около восьмидесяти-ста; если где-то намечается битва и вы бросите туда «группу из маленьких кузин» перед обеими армиями, то вполне вероятно, что мир во всем мире будет восстановлен.

На мгновение в голове Чжоу Фэй мелькнула малодушная мысль: «А если я немного скопирую ее?»

Но, бросив взгляд на Ли Янь, и представив себя рыдающей на земле с мешочком в руках, она вздрогнула и поняла, что Ли Цзинь Жун при виде этой сцены, вероятно, найдет булаву, чтобы исправить ее мозг.

Ли Шэн, стоявший в стороне, слегка пошевелил онемевшими запястьями. Когда Ли Янь заплакала, его лицо помрачнело. Прошлой зимой он наткнулся на узкий проход, когда практиковался в фехтовании, и решил прогуляться. Когда он добрался до двора, то издали увидел больного Чжоу И Тана и Ли Цзиньжун, сопровождающую его на прогулке. Ли Шэн хотел было подойти и поприветствовать их, но тут он услышал несколько фраз, которые разнес ветер.

Ли Цзинь Жун обеспокоенно сказала Чжоу И Тану: «У этого ребенка нет особого таланта, но это не так страшно, поскольку мы можем заниматься медленней. Я просто боюсь, что он слишком заикнется на этом, и это может его погубить. Но я не знаю, как сказать ему об этом..»

Ли Шэн не стал слушать ответ Чжоу И Тана. Слова тети были подобны стальному гвоздю, безжалостно вонзающемуся в его сердце.

Хотя Ли Цзинь Жун не называла имени и фамилии этого человека, Ли Шэн был уверен, что она говорила о нем. А все потому, что рядом с ней росли всего три человека. Попробовала бы Чжоу Фэй отвлечься во время тренировки, она бы уже давно была избита, и старшая тетя не беспокоилась бы о том, как сказать ей об этом. Ли Янь в свою очередь была юной и наивной дурочкой, и уж точно не могла ассоциироваться со сказанным. Однако больше всего Ли Шэна поразили слова: «У этого ребенка нет особого таланта». С юных лет он хвастался, что небеса благоволят ему, и соперничал со всеми, с кем только мог. Он хотел, чтобы все хвалили его, не находя ни единой ошибки - как он мог принять оценку «нет особого таланта»?

Ли Шэн не помнил, как он ушел со двора в тот день; оглядываясь назад, он был счастлив, что в тот день было очень ветрено, и поблизости не оказалось патруля. Так он смог скрыть свое присутствие от Ли Цзинь Жун.

С тех пор слова «нет особого таланта» стали кошмаром Ли Шэна, который время от времени всплывал в его голове и насмехался над ним. Это привело к тому, что его жажда соперничества достигла своего пика.

Ли Шэн думал: если у него не было особого таланта, то был ли удивителен талант Чжоу Фэй?

Небывалое чувство обиды поднялось из его сердца, и ему просто жизненно необходимо было в чем-то одолеть Чжоу Фэй. Однако, несмотря на его насмешки или издевательства, Чжоу Фэй никогда не обращала на него внимания, всегда избегая конфликтов. Когда они практиковались, она ни разу не перешла опасную черту; если он целенаправленно подталкивал ее дальше, она просто отступала и стояла в стороне, глядя на него сверху вниз.

Из-за ее поведения его чувство соперничества со временем переросло в навязчивую идею.

Нынешнее дело было намеренно спланировано Ли Шэном, чтобы разозлить Чжоу Фэй.

Он поднял Ли Янь и небрежно стряхнул грязь с ее одежды, вернувшись обратно к образу лицемера. Он сказал Чжоу Фэй с полуулыбкой: «Значит, ты разозлилась из-за того, что я вовремя не отыскал дядю? Фэй, это не значит, что брат не будет ходатайствовать за тебя, но что твое озорство перешло все границы. Уроки старого учителя - для твоего же блага; более того, разве старик сказал что-нибудь не так? Девочки должны хорошо себя вести, а не кричать и лезть в драки. Как человек из 48 крепостей, даже если ты выйдешь замуж в будущем, пока я здесь, кто посмеет запугивать тебя?»

Чжоу Фэй встала, медленно приподняв одну бровь. Очертания ее бровей были очень аккуратными, и даже будучи естественными, казалось, что она их подстригла; они красиво изгибались прямо к вискам. Она хихикнула: «Почему бы тебе не сказать эти слова мастеру? Может, тогда она сядет вышивать в своих покоях - я буду не против».

Ли Шэн неторопливо ответил: «48 крепостей всегда управлялись семьей Ли; фамилия старшей тети - Ли, в конце концов. В тот год в деревне никого не было, поэтому ей пришлось принять бразды правления в тот критический момент... Но эти вещи не будут беспокоить юную леди «Чжоу», не так ли?»

Чжоу Фэй тут же выпалила: «Спасибо за сведения, это также не будет беспокоить ни на что не годных людей».

Заговорив, она и не думала, что невольно попала в больное место Ли Шэна.

- Чжоу Фэй, о ком ты говоришь? - вдруг спросил он с мрачным выражением лица.

Чжоу Фэй поняла, что они больше не могут сражаться сегодня, и повесила свой чандао за спину, решив сразиться словами: «Говорю ли я о свиньях, собаках или крысах, старший брат, что, хочет восстановить справедливость для всех этих животных?»

Ли Шэн крепче сжал свой меч, прежде чем ослабить хватку. После долгого молчания он с усилием выдавил из себя улыбку: «Раз уж ты считаешь, что твои способности так высоки, осмелишься ли ты хоть раз посоревноваться со мной?»

Чжоу Фэй посмотрела на него с насмешкой: «Я больше не осмелюсь на такой шаг. Если твоя сестра пойдет и расскажет обо мне, мастер точно сдерет с меня кожу».

- Она этого не сделает, - сказал Ли Шэн прямо перед тем, как Ли Янь собиралась протестовать.
- Я собираюсь пересечь реку Стертых Чернил, у тебя хватит духу пойти со мной?

«Переправа через реку Стертых Чернил» была распространенной поговоркой среди юных учеников в 48 крепостях, подобно фразам «я убью тебя» или «угощу тебя едой в другой день». Это было просто случайное высказывание, не имеющее никакого реального смысла.

А если говорить о происхождении этой поговорки, то это долгая история. С того самого года, когда три лидера Твердыни восстали и умер второй мастер Ли, 48 крепостей потеряли много сил. В последние годы Север и Юг находились в состоянии противостояния со многими другими державами, что еще больше усложняло ситуацию. В 48 твердынях скрывалось неизвестно сколько преступников императорского двора и приходилось ужесточать свою охрану. На горе Шу было много гор; по всем горным тропам тянулись бесчисленные

соединенные между собой тайные туннели и сторожевые посты. Если в одном месте возникала необычная активность, новость могла немедленно распространиться по всем 48 крепостям. Даже члены группы должны были регистрировать свою активность: кто ушел, куда, на какой период и так далее. Каждая деталь записывалась, ведь ее в любое время могли проверить. Каждый человек имел свой собственный жетон со своим именем и фамилией, и вы не могли украсть и использовать чужой жетон. Молодые ученики, не закончившие обучение, не могли просто так покинуть гору. Что касается того, как долго они будут отбывать свое ученичество, это зависело от их шифу [6]; если шифу не одобрял этого, даже если вы могли свободно путешествовать по небу и земле, это не имело значения – был только один способ покинуть 48 крепостей – пересечь реку Стертых Чернил самостоятельно.

[1] Чжуан Наньшань (удар Наньшань) – буквально переводится как «снести Южную гору»

[2] Чжай-бэйдао – еще одно название меча Чжоу Фэй

[3] на китайском языке 面子 mianzi, буквально переводимое как «лицо», означает репутацию. Здесь это означает «имя», но поскольку оригинал-面子, Чжоу Фэй буквально говорит: «насколько ценно ваше лицо?»

[4] в китайском языке он/она/это – все произносится одинаково: ta. Разница очевидна, когда символы записаны как 他 (он), 她 (она) и 它 (это). Однако, просто услышав произнесенное «та», может быть неясно, кто именно этот человек. Так что, о ком говорила Ли Цзинь Жун, остается тайной

[6] Шифу – учитель (от слова 师傅 (лао ши) – учитель, и 父亲 (фу цинь) – отец)

<http://tl.rulate.ru/book/33015/738897>